

УДК 82:82-6:811.16

DOI: 10.17223/19986645/39/10

Э.М. Жиликова

А.П. ЕЛАГИНА И ЧЕШСКИЕ СЛАВИСТЫ

В статье впервые рассматривается событие из истории чешско-русских отношений – встреча и знакомство с чешскими славистами А.П. Елагиной, связанной с литературным и научным миром русской интеллигенции первой половины XIX в.

В портретах чешских славистов, созданных в письме Елагиной Жуковскому, ученые характеризуются со стороны их нравственных качеств, подробно описываются их быт, занятия. Письмо проникнуто уважением и энтузиазмом Елагиной, обусловленными гуманностью, демократизмом автора и пониманием значимости деятельности чешских славистов для развития отечественной культуры, образования и науки.

Ключевые слова: чешско-русские культурные связи, А.П. Елагина, В.А. Жуковский, М.П. Погодин, Ф. Палацкий, В. Ганка, П. Шафарик.

В истории чешско-русских отношений есть малоизвестная страница, связанная с пребыванием А.П. Елагиной в Праге в 1835 г. Свои впечатления от встречи с тремя выдающимися чешскими славистами – Вацлавом Ганкой (Václav Hanka, 1791–1861), Франтишеком Палацким (František Palacký, 1798–1876) и Павлом Шафариком (Pavel Jozef Šafárik, 1795–1861) – Елагина подробно описала в письме В.А. Жуковскому от 7 октября (нового стиля) 1835 г. Письмо интересно в нескольких аспектах, и прежде всего тем, что показывает, насколько проблема славянских связей была актуальной для русского общества середины XIX в.

Важна личность А.П. Елагиной (1789–1877) – одной из представительниц просвещенной русской дворянской интеллигенции, принимавшей активное участие в развитии философской, общественной и эстетической мысли общества. Племянница В.А. Жуковского, мать выдающихся деятелей русской культуры – философа и фольклориста (Ивана и Петра Киреевских), историков (Николая и Василия Елагиных), хозяйка знаменитого московского салона («привольной республики у Красных ворот»), в котором в 1840-е гг. собирались славянофилы и западники (в том числе Грановский и Герцен, Хомяков и Константин Аксаков), Елагина была хорошо знакома с их историософскими концепциями путей развития России. Собственная позиция Елагиной в решении славянского вопроса отличалась диалектичностью. Елагина не разделяла славянофильского противопоставления России и Запада, и вместе с тем многое в позиции славянофилов поддерживала. Это касалось прежде всего вопроса о самостоятельном и значимом содержании русской культуры и истории как части большого славянского мира в контексте единой европейской жизни.

Повышенное внимание к проблемам славянской культуры и высокая оценка трудов чешских ученых во многом были актуализированы обстоятельствами личной жизни Елагиной – ее горячим участием в делах славяно-

фильски настроенных детей, оказавшихся в гуще общественного и художественно-эстетического движения. В письмах 1835 г., отправленных Жуковскому еще до поездки в Европу (с целью поправить здоровье), она сообщает поэту о событиях вокруг нового московского журнала, о судьбе Ивана Киреевского и о подготовке к изданию русских песен, собранных Петром Киреевским. Елагина пишет: «...издатели здешнего Московского Журнала поручили мне повергнуть их к стопам вашим. <...> Благословите его каким-нибудь даром святой вашей Музы» [1. С. 399]. Речь идет о «Московском наблюдателе», органе формировавшегося славянофильства, в котором главными сотрудниками были А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский. В письме от 21 февраля 1835 г. Елагина сообщает Жуковскому о неудачно складывавшейся служебной карьере Петра Киреевского в Архиве Иностранной коллегии и о его успешной деятельности по сбору и подготовке к изданию народных «стихов»: «Он издает собрание песен, какого ни в одной земле еще не существовало, около 800 одних легенд, т. е. *стихов* по ихнему» [1. С. 401].

Елагина находилась в гуще энтузиастов, занимавшихся собиранием песен или поддерживавших это начинание. В предисловии к изданию «Русских народных стихов» (1848) Петр Киреевский перечислил в благодарственном списке их имена, среди которых в первую очередь была названа многочисленная семья Языковых и А.С. Пушкин, который «еще в самом почти начале ...предприятия доставил... замечательную тетрадь песен, собранных в Псковской губернии» [2. С. 426]. Среди перечисленных «собирателей» названа плеяда молодых ученых, писателей журналистов, входивших в дом Киреевских-Елагиных на правах друзей: Н.В. Гоголь, историк Дмитрий Александрович Валуев (1820–1845), физик Василий Матвеевич Рожалин, поэт, историк, фольклорист этнограф, будущий ректор Киевского университета Михаил Александрович Максимович (1804–1870).

То есть проблема изучения русского народного творчества, языка и поэтики, этнографии и, естественно, славянских связей была актуальной для русской науки и культуры, и это объясняет внимание Елагиной к деятелям славянской культуры в европейских странах, в частности в Чехии и Словакии.

В списке Петра Киреевского среди перечисленных подвижников и собирателей «народных стихов» значится имя М.П. Погодина, с которым Елагину связывали давние дружеские отношения и по просьбе которого в 1835 г. она оказалась в Праге. Погодин в 1830-е гг. был известен как один из ведущих ученых по вопросам славянской истории, а также как переводчик и организатор чешско-русских научных связей. До 1835 г. Погодин встречался с чешскими славистами, организовал перевод трудов чешских ученых, издание их и пропаганду среди русских читателей, Именно Погодин способствовал установлению связей между русской и чешской интеллигенцией.

Так, в библиотеке В.А. Жуковского, человека из ближайшего круга Елагиной, сохранились книги, связанные с переводческой и издательской деятельностью Погодина («О происхождении Руси» (1825) [3. Описание № 293]; О жилищах древнейших россос и критический разбор оных» (1826) [3. Описание № 294], и книги чешских славистов: Йозефа Добровского «Кирилл и Мефодий, словенские первоучители» (1825) [3. Описание № 120] в переводе

с немецкого и с предисловием М.П. Погодина; «Славянские древности» Шафарика (1837), «Краледворская рукопись» Ганки в издательском конволюте на чешском и немецком языках (1819). [3. Описание № 2642], а также в переводе Николая Берга (1846) [3. Описание № 59].

Елагина, общаясь с учеными и писателями, интересовавшимися проблемами духовного самоопределения русского народа, его историей и культурой как части великого славянского мира, была подготовлена к встрече с чешскими славистами и, как об этом свидетельствует письмо, проявила большой интерес к их жизни и деятельности.

Прибыв по просьбе Погодина в Прагу, чтобы ухаживать за его заболевшей женой на время поездки Погодина по Европе, Елагина была рекомендована чешским ученым, по всей видимости, М.П. Погодиным, который, по его собственным словам, «оставил ее <жену> на руках доброго Шафарикова семейства, в ожидании любезной Авдотьи Петровны Елагиной» [4. С. 320].

Первым в письме Елагиной характеризуется Франтишек Палацкий: «Тут познакомилась я с Палацким, умным, образованным человеком, который видел вас в Лейпциге и которому вы оставили живое впечатление. Он пишет Богемскую историю; судя по глубокому его сведениям, трудолюбию и красноречивому разговору, – вероятно, отличную» [1. С. 407–408].

Письмо Елагиной добавляет новые детали в освещение вопроса о знакомстве Палацкого с Жуковским и об отношении к этому событию Елагиной. Л.С. Кишкин в статье «Знакомство и переписка Франтишека Палацкого с В.А. Жуковским» в 1976 г. опубликовал два письма, хранящиеся в РО Музея чешской литературы (Прага) и ОР ИРЛИ (СПб.): письмо Палацкого к Жуковскому и ответное, датированные 1828 и 1829 гг. Автор статьи относит их встречу «к концу 20-х годов прошлого века, когда молодой Палацкий активно участвовал не только в научной и общественно-политической жизни Чехии (как это было позже), но и литературной» [5. С. 83]. В дневнике от 28 августа 1827 г. Жуковский упоминает о своем визите к Василию Ивановичу Фрейгангу: «27(8) <...> Обедал у Фрейганга» [6. С. 292]. В 1827 г. Фрейганг был генеральным консулом в Саксонском королевстве. Эта запись соответствует началу письма Палацкого к Жуковскому: «Когда год назад я имел счастье лично познакомиться с вашим высокородием в Лейпциге у господина генерального консула фон Фрейганга <...>» (Кишкин 1976: 292).

В опубликованных письмах речь идет о посланных Палацким экземплярах «Журнала Чешского музея», основанного и редактируемого им, и ответная благодарность русского поэта. Комментируя письмо Жуковского, Л.С. Кишкин замечает: «Трудно представить себе, чтобы, знакомясь с чешским журналом («основным репрезентантом <...> чешской культуры эпохи национального Возрождения»), Жуковский ни с кем не делился своими впечатлениями о прочитанном. А ведь в конце 20-х – начале 30-х годов он встречался со многими видными представителями литературного Петербурга (Пушкин, Гоголь, Вяземский и др.)» [6. С. 86]. Исследователь совершенно прав в своих предположениях, когда речь идет о Пушкине и Гоголе, подтверждаемых их связями с Шафариком и Ганкой. Елагина же попадает в список «и др.<угих>», тем самым подтверждая мысль о масштабности интереса в русском обществе к проблемам славянства. Встречаясь и беседа с Палацким

о Жуковском и передавая русскому поэту слова признательности чешского ученого, Елагина выполняет миссию живого посредника. Напоминая о встрече двух выдающихся деятелей русской и чешской литературы и сообщая о творческих планах Палацкого, она способствует сохранению и укреплению связей со славянскими культурами.

В портретах чешских славистов, созданных в письме Елагиной к Жуковскому, отсутствует наукообразие, отмечаются не только их достижения – ученые характеризуются со стороны нравственных качеств. Иначе, чем о Палацком, Елагина пишет о В. Ганке. Она называет его «самолюбивым Славянином, чванящимся Владим<ирским> крестом выше всего, что имеется истинного» [1. С. 408].

Причина столь нелицеприятного отзыва неясна. Ганка был признан в России, удостоен в 1820 г. серебряной медали Российской академии, по предложению А.С. Шишкова, прежде всего как «издатель древних чешских песнопений, помещенных в известиях Российской академии под названием «Краледворская рукопись» [7. С. 310]. В отношении Елагиной к Ганке, возможно, определенную роль сыграли впечатления от тяжелого материального положения «протестанта Шафарика», которого не принимали на службу в чешские университеты, и бесконечные отсрочки поездки Челаковского и Шафарика на службу в Россию, в которых они винили Ганку. В любом случае, в своей сдержанно-критической настроенности Елагина расходится со многими русскими деятелями, посещавшими Прагу и встречавшимися там с Ганкой. Так, Н.П. Барсуков, описывая визит к Ганке в этом же 1835 г. Погодина, отмечает доброжелательность чешского ученого: «По приезде в заветный для него (Погодина) город, – пишет Барсуков, – он (Погодин) прежде всего посетил Национальный музей, где принял его Ганка как нельзя приветливее и радушнее, познакомил со всеми учеными драгоценностями библиотеки, осыпал воспоминаниями о Добровском, пересказал его книги и рукописи, подвел к его портрету, преподнесенному ему при жизни а *Slavicarum literarum cultoribus*, посадил на его простой дубовый стул, подарил несколько его вещей» [4. С. 313]¹.

Совсем другим тоном, полным глубокой симпатии и уважения, проникнуто описание Елагиной Шафарика – его личности, быта, научных занятий. Елагина восхищается «милым, исполненным *Божественного вдохновения* ученым и трудолюбивым разыскателем древности народов Слав<янских> и языков». «На будущий год, продолжает Елагина, – выйдет из печати его книга о происхождении Слав<янских> народов, которая, говорят, положит неизбежную основу всем историям, не исключая России. – Труды его неимо-

¹ О доброжелательности и гостеприимстве Ганки как энтузиаста славянского дружества будут позже писать русские ученые, встречавшиеся с ним в Праге. В статье «Воспоминания о В.В. Ганке», написанной в 1861 г. по следам сообщения о смерти ученого, В.В. Срезневский великой заслугой Ганки называет его «участие в нравственном оживлении Чешского народа» и «чистую любовь к Славянству вообще» [8. С. 9]. А.Н. Пыпин, описывая свое посещение Праги во время заграничного путешествия 1855–1859 гг., замечает о В. Ганке: «Множество русских, бывших в Праге, с удовольствием вспомнят любезное гостеприимство чешского ученого; его обширные знакомства, его готовность сообщить указания, материалы, книги много способствовали к установлению сношений между славянскими учеными, облегчили многие труды и скрепляли взаимность между новыми славянскими литературами, что очень важно для их общего блага» [9. С. 165].

верны; а вся жизнь высоко поэтическая. Он так беден, что с женой, матерью и 4-мя детьми живет 1000 гул<ьденами>, собираемыми для него *неназывающимися* друзьями, но порядок бедных его комнаток, ясность души и светлый ум не позволяют и заметить в чем-нибудь недостатка» [1. С. 408]. Характер оценки Шафарика выдает демократическую настроенность Елагиной, ее глубокое сочувствие материально нуждающемуся ученому и понимание значимости деятельности чешского слависта для развития отечественной культуры, образования и науки. Елагина сообщает Жуковскому о готовящейся книге, экземпляр которой появится в библиотеке поэта: «Славянские древности. Перевод с чешского И. Бодянского. Издано М. Погодиным. Часть историческая. Том 1, книга 1-ая. М., тип. университета, 1837» [3. Описание № 441].

Впечатления Елагиной от встречи с Шафариком в 1835 г. совпадают с оценками Александра Титова¹ и М.П. Погодина, посетивших Прагу в том же году. Погодин писал о Шафарике: «Тесная работная комната, установлена полка с книгами: посредине стол, покрытый бумагами. После две еще меньшие комнатки для семейства, которое составляют: жена, словенка родом из Венгрии, теща и четверо детей. Ход из комнаты мимо кухни. Весь доход его от литературных трудов простирается не свыше двух тысяч рублей. Здесь-то живет и с такими-то малыми средствами действует великий муж, один из первых представителей миллионного народа, пекущийся о судьбе его на будущие времена, без его ведома, не только без благодарности, без славы, признаваемый вполне, может быть, десятью-двадцатью человеками во всей Европе, работающий до упаду от утра до вечера над самыми тяжелыми, изнурительными сочинениями, кои никто почти не покупает, не читает, не знает» [4. С. 313–314]. В это время Шафарик оканчивал свои «Славянские древности». По замечанию Погодина, «этого сочинения не доставало в Европейской литературе: немецкие писатели, занимаясь всеми языками на свете, живыми и мертвыми, Европейским и Санскритским, имеют до сих пор какое-то непонятное отвращение от Славянского и печатают об этом всемирном народе так, что читать стыдно за них. Они никак не могут вразумиться, что общая История не может быть без Славянской» [4. С. 316].

Общий вывод из впечатлений о Шафарике Елагиной сделан в более лаконичной форме, но он чрезвычайно важен и характерен. Она заключает: «Если бы у нас была кафедра Слав<янских> Языков, Универ<ситет> наш должен бы гордиться таким человеком» [1. С. 408].

¹ А.П. Титов, брат В.П. Титова, сообщал К.С. Сербиновичу в письме от 28 октября (нового стиля) 1835 г. из Вены: «Пражские ученые – славный народ, патриархальное поколение. Ей ей, хорошо бы посылать из нашей молодежи, посмотреть на их смиренную, но терпеливую и плодотворную деятельность. Сокол между ними Шафарик; живет в бедности, ибо как протестант не может занимать должности при Университете в Праге, жена, трое детей. Несмотря на все, он трудолюбив, копит материалы для трудов истинно колоссальных; ближайшим из них явится в будущем году первобытная История Славян вообще, от древнейших времен до введения между ними Христианства. <...> Если б удалось года хоть на два, на три, привлечь его в Московский, или хоть Петербургский Университет, для преподавания Славянских наречий, – какое бы сокровище. <...> Палацкий, издатель оценки Чешских Летописцев и Историков, занят, по поручению Богемских чинов, сочинением полной Истории Богемского Королевства <...> Ганка, хранитель народного музея в Праге, только что кончил новое издание Краледворской рукописи и краткую Чешскую грамматику» [10. С. XVI–XVII].

Это высказывание носит не просто эмоциональный характер. Елагина заинтересована в развитии университетского образования, в котором важное место должно занимать преподавание и изучение славянских языков. Тем более что в 1836 г. поступит в Московский университет ее сын Василий Алексеевич Елагин, будущий историк. Образование он продолжит в Европе, в том числе в Праге у Шафарика¹. Перу В.А. Елагина принадлежит труд «Об истории Чехии», написанный в 1847 г. Эта книга числится в составе библиотеки Жуковского [3. Опись № 131].

Письмо Елагиной дает основание предположить возможность личного знакомства Петра Киреевского с чешскими славистами, и в первую очередь с Шафариком. В письме от 10 сентября 1835 г. Владимир Титов, который путешествовал вместе с Петром Киреевским, писал М.П. Погодину, надеясь встретить его в Праге по пути из Франценсбада: «И город и жители, особливо ученые Славянские, крайне меня занимают. Для чего не пишешь ни слова о Ганке? Что за отношения? Во всяком случае спасибо за то, что предупредил о нас Шафарика». К этому письму приписал строчку П.В. Киреевский: «Усердно вам кланяется и надеется скоро увидеть» [4. С. 320].

Но Погодин покинул Прагу раньше их приезда – и эту миссию на себя взяла Авдотья Петровна. После поездки в Германию Петр Киреевский и Титов провели в Праге целую неделю. Об этом пишет Елагина: «В Праге я провела две недели, одну для Погодиной, а на другую приехали мои юноши: Петр и Вл<адимир> Титов, и мы вместе рыскали повсюду» (Переписка 2009: 408).

Уточняется и время пребывания Петра Киреевского и Владимира Титова в Праге: это неделя, на которую падает «день Св<ятого> Вячесла», т.е. 28 сентября 1835 г., когда на площади перед Собором, куда, как пишет Елагина, «половина Богемии стекалась», у нее «из кармана, который был даже не в верхнем платье, вытащили все деньги и все кредитивы, в одном портфеле хранящиеся». Но это уже другая история, получившая продолжение в последующей переписке Елагиной и Жуковского.

Имя Шафарика вновь появится в письме Елагиной к Жуковскому от 6 августа 1838 г. Упоминание имени великого чешского слависта вызвано предполагаемым посещением Жуковским Праги и проникнуто глубоким уважением и теплотой воспоминаний о встрече 1835 года: «Видели ли нашего доброго Шафарика, истинного славянина, преданного России, трудящегося до изнеможения и с семьей почти умирающего от нужды? – Я для него и для вас радуюсь проезду вашему через Прагу. Появление ваше там должно быть лучшим счастьем ему» [1. С. 446].

¹ В письме к О.М. Бодянскому от 22 октября 1843 г. Шафарик сообщает: «Г. Елагин здесь, здоров и весел» [11. С. 161]. 22 ноября 1844 г. в письме О.М. Бодянскому просьбу прислать ему две книги («Остромирово Евангелие» в издании А.Х. Востокова и «Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов» Н.А. Лукьяновича) Шафарик сопровождает замечанием, свидетельствующим о дружеских отношениях его с молодыми русскими учеными: «Приятели Елагин, Валуев, Панов и проч. сами напрашивались помочь мне по части книг. Я бы их теперь попросил, чтобы они на деле доказали своё энергично и пламенно обещанное расположение. Поговорите с ними, сделайте, что можно» [11. С. 168].

Таким образом, письмо о посещении А.П. Елагиной Праги в сентябре 1835 г. представляет интересную страницу из истории чешско-русских отношений. Оно дополняет реальными фактами картину большого интереса и самого пристального внимания русской интеллигенции к проблемам славянской культуры и истории, в частности Чехии в эпоху ее национального возрождения.

Литература

1. *Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1814–1852* / сост. Э.М. Жиликова. М.: Знак. 2009. 720 с.
2. *Калугин В.И.* «Своенародности подвижник просвещенный...» // *Собрание народных песен П.В. Киреевского*. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. С. 417–433.
3. *Библиотека В.А. Жуковского. (Описание)* / сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 415 с.
4. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. 524 с.
5. *Кишкин Л.С.* Знакомство и переписка Франтишека Палацкого с В.А. Жуковским // *Советское славяноведение*. 1976. № 2. С. 83–86.
6. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры 2004. . Т. 13. 607 с.
7. *Сухомлинов М.И.* О сношениях В.В. Ганки с Российской Академиею и о вызове его в Россию // *Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины*. СПб., 1876. С. 309–318.
8. *Срезневский И.И.* Воспоминание о В.В. Ганке. СПб., 1861. 55 с.
9. *Пыпин А.Н.* Два месяца в Праге // *Пыпин А.Н. Мои заметки*. М., 1910. С. 149–312.
10. *Францев В.А.* Очерки по истории чешского Возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902. № 3. 400 с.
11. *Письма П.И. Шафарика к О.М. Бодянскому (1838–1857) с приложением писем П.И. Шафарика к В.И. Григоровичу (1852–1856)*. М., 1895. 233 с.

A.P. ELAGINA AND CZECH SLAVISTS

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 1(39), pp. 122–129.

DOI: 10.17223/19986645/39/10

Zhilyakova Emma M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: Czech-Russian cultural relations, A.P. Elagina, V.A. Zhukovsky, M.P. Pogodin, F. Palacky, V. Hanka, P. Safarik.

The paper first examines an event from the history of Czech-Russian relations: the meeting and acquaintance of A.P. Elagina, connected with the literary and academic world of the Russian intelligentsia of the first half of the 19th century, with Czech Slavists in 1835.

A.P. Elagina described her impressions of the meeting with V. Hanka, F. Palacky and P. Safarik in detail in a letter to V.A. Zhukovsky on October 7. 1835.

Niece of V.A. Zhukovsky, mother of the outstanding figures of Russian culture, a philosopher and a folklorist (Ivan and Pyotr Kireevsky), historians (Nikolay and Vasilii Elagin), owner of the famous Moscow salon that hosted Slavophiles and Westerners (including Granovsky, Herzen) in the 1840s, Elagina (1789–1877) was well acquainted with Czech Slavists' historiosophical concepts of the development of Russia. Elagina's own position consisted in a dialectical approach to solving the Slavic question. Elagina did not share the Slavophile opposition of Russia and the West, yet she supported much in the position of the Slavophiles. This applied primarily to the issue of an independent and meaningful content of Russian history and culture as part of the Slavic world in the single context of European life.

Increased attention to the problems of Slavic history and high appreciation of the works of Czech scholars were largely due to the personal circumstances of Elagina: her active involvement in the affairs of the Slavophile-minded children caught in the midst of the social, artistic and aesthetic move-

ment. In her letters in 1835, she tells Zhukovsky about the fate of Ivan Kireevsky and *Moskovsky zhurnal*, on preparations for the publication of the Russian songs collected by Pyotr Kireevsky.

An important factor in the acquaintance and history of relations with the Czech Slavists was the long-standing friendship of Elagina with M.P. Pogodin, a scholar on Slavic history, translator and organizer of the Czech-Russian academic ties, and with Zhukovsky, who corresponded with F. Palacky in 1829.

The portraits of Czech Slavists Elagina creates in her letter to Zhukovsky lack scientism, they are interesting due to the “human” approach: scholars are characterized by their moral qualities, by their way of life, activities. The letter is full of respect and enthusiasm of Elagina, which is a result of the author’s humanity, democracy and understanding of the importance of the activities of the Czech Slavists for the development of national culture, education and science.

References

1. Zhilyakova, E.M. (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy. 1814–1852* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina. 1814–1852]. Moscow: Znak.
2. Kalugin, V.I. (1986) “Svoenarodnosti podvizhnik prosveshchenny...” [“Enlightened promoter of his ethnos...”]. In: Kireevsky, P.V. *Sobranie narodnykh pesen P.V. Kireevskogo* [Collection of folk songs of P.V. Kireevsky]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo.
3. Lobanov, V.V. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo. (Opisanie)* [V.A. Zhukovsky's Library. (Description)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Barsukov, N.P. (1891) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina* [Life and works of M.P. Pogodin]. Vol. 4. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
5. Kishkin, L.S. (1976) Znakomstvo i perepiska Frantisheka Palatskogo s V.A. Zhukovskim [Meeting and correspondence of F. Palacky with V.A. Zhukovsky]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 2. pp. 83–86.
6. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Sukhomlinov, M.I. (1876) O snosheniyakh V.V. Ganki s Rossiyskoyu Akademiei i o vyzove ego v Rossiiu [On relations of V.V. Hanka with the Russian Academy and his invitation to Russia]. In: *Bratskaya pomosh' postradavshim semeystvam Bosnii i Gertsegoviny* [Brotherly help to the affected families in Bosnia and Herzegovina]. St. Petersburg: Izd-vo Peterburgskogo otdela slavyanskogo komiteta.
8. Sreznevskiy, I.I. (1861) *Vospominanie o V.V. Ganke* [The memory of V.V. Hanka]. St. Petersburg: tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
9. Pypin, A.N. (1910) Dva mesyatsa v Prage [Two months in Prague]. In: Pypin, A.N. *Moi zametki* [My notes]. Moscow: Izdanie L.E. Bukhgeym.
10. Frantsev, V.A. (1902) Ocherki po istorii cheshskogo Vozrozhdeniya [Essays on the History of the Czech Renaissance]. *Russko-cheshskie uchenye svyazi kontsa XVIII i pervoy poloviny XIX st.* [Russian-Czech academic ties in the end of the 18th and the first half of the 19th centuries]. 3. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo Uchebnogo Okruga, Krakovskoe Predmest'e.
11. Safarik, P. (1895) *Pis'ma P.Y. Shafarika k O.M. Bodyanskomu (1838–1857) s prilozheniem pisem P.Y. Shafarika k V.I. Grigorovichu (1852–1856)* [Letters of P. Safarik to O.M. Bodyansky (1838–1857) with letters of P. Safarik to V.I. Grigorovich (1852–1856)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.